

Стокгольмский синдром: двойкий статус рейтингов в исследованиях о высшем образовании

Елена Бранкович

Елена Бранкович — постдок социологического факультета Билефельдского университета (Германия).
E-mail: jelena.brankovic@uni-bielefeld.de.

В последние десятилетия рейтинги вузов получили настолько широкое распространение, что уже стали общепризнанным — пусть и небесспорным — элементом международного академического ландшафта. Ощущение, что «рейтинги теперь с нами навсегда», находит отклик у многих ученых, управленцев и нормотворцев. Многие представители академического сообщества считают, что рейтинги неизбежны или даже необходимы, несмотря на звучащую с разных сторон безжалостную критику и на растущий объем данных, подтверждающих негативные последствия рейтингов. Давайте разберемся?

Почему мы верим рейтингам и в рейтинги?

Чтобы решить эту головоломку, следует понаблюдать за тем, какой отклик рейтинги находят в широком культурном и институциональном контексте. Во-первых, [принцип работы рейтингов](#) заключается в публичном поощрении конкуренции, из-за чего вузы, по сути, начинают воспринимать друг друга в качестве соперников. Сходство между рейтингами и разговорами о глобальной конкуренции — вот возможная причина того, почему рейтинги часто рассматривают в первую очередь в свете геополитики. К тому же рейтинги резонируют с рядом наиболее популярных «рационализированных мифов» в области высшего образования, таких как стратегический менеджмент, показатели продуктивности, отслеживаемость, прозрачность, интернационализация, первоклассное качество или воздействие. Поскольку сами рейтинги окружены аурой рациональности, они легко оказываются в человеческом восприятии «логическим» инструментом распространения вышеупомянутых мифов и оценки продвижения общества по пути их реализации.

Также важно не забывать, что мнимые представления о высшем образовании как об иерархичной структуре вузов, на вершине которой Гарвард, Оксфорд и т.п., были распространены еще задолго до рейтинговой

«гегемонии» последних десятилетий. Когда, например, U.S. News и Шанхайский университет Цзяотун впервые начали публиковать свои рейтинги, эти рейтинги, по большому счету, просто подтверждали то, что общество уже и так «знало» о «лучших» вузах. Будь это не так, ситуация с международными рейтингами могла бы сложиться иначе. Чтобы люди верили тому или иному рейтингу, его результаты должны оставаться в пределах правдоподобного, при этом оставляя вузам возможность улучшать свои результаты. Более того, от вузов ожидается, что все они постоянно будут стремиться улучшить свои позиции.

Наконец, рейтинги входят в широкий спектр политических инструментов и инструментов оценивания наряду с различными сравнительными таблицами, стандартами и другими показателями оценки результатов. Благодаря этому рейтинги «путешествуют» из одной страны в другую. Этому есть, помимо прочего, историческое объяснение. Представители академического сообщества, заинтересованные в оценке своей работы и работы своих институтов, экспериментировали со всеми этими инструментами на протяжении нескольких десятилетий, прежде чем ими начали пользоваться внешние акторы в «общественно полезных» целях, например для контроля и оценки эффективности или прозрачности.

Учитывая эти культурные и исторические обстоятельства, не стоит удивляться, что рейтинги теперь воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Они так укоренились в общественном дискурсе, что сейчас обсуждение рейтингов сводится главным образом к вопросу «как?», в то время как сама идея рейтингов даже исследователи высшего образования редко всерьез подвергают сомнению.

Размытые границы: рейтинги и наука

Исследователи высшего образования всегда неоднозначно относились к рейтингам. Поскольку эта научная сфера вообще очень тесно переплетена с нормативной сферой и с практикой, многие исследования изначально проводятся с целью сделать мир высшего образования более справедливым, эффективным, ответственным и так далее — иными словами, сделать его лучше, что бы это ни значило. Как следствие этой нормативной направленности, многие исследователи высшего образования регулярно делают что-то, что, по их мнению, помогает оградить высшее образование от различных вредоносных, с их точки зрения, тенденций. И рейтинги как раз часто воспринимаются как одна из подобных тенденций, причины чему были подробно задокументированы в последние десятилетия.

Из-за этого большинство исследователей прямо или опосредованно критикует рейтинги. И тем не менее, как ни парадоксально, их критика обычно представляется односторонней: научная дискуссия вокруг рейтингов зачастую связана с их методологией и ее последствиями и нередко выливается в обсуждение того,

как рейтинги можно было бы улучшить или как разработать «более хорошие» рейтинги. Подобные исследования обычно открыто критикуют составителей рейтингов, которыми, как принято считать, движет преимущественно или даже исключительно коммерческий интерес. Если говорить более обобщенно, рейтинговым агентствам приписывают определенные «соответствующие» мотивы и поведение.

Поэтому вместо того, чтобы наблюдать за рейтингами как предметом исследования, исследователи вышеописанного толка оценивают рейтинги с точки зрения их «пригодности» и «надежности» в качестве нормативного инструмента или инструмента контроля прозрачности. Если развивать эту логику дальше, получается, что если рейтинги методологически корректны, если они измеряют действительно важные показатели, если их составители не преследуют коммерческих целей и если люди подходят к их использованию ответственно, то ситуация должна каким-то образом улучшаться. Несмотря на возможные кратковременные негативные последствия для какого-то конкретного рейтинга, в долгосрочной перспективе подобная логика, скорее всего, только укрепит авторитет рейтингов в целом как инструмента по оцениванию университетов. Есть как минимум две причины ожидать именно такого хода событий.

Во-первых, споры о том, как составлять рейтинги, в том числе о том, как их «исправить», по сути, только подкрепляют продвигаемые рейтингами представления о высшем образовании, то есть это все не ограничивается обсуждением методологии рейтингов, интересов их составителей или того, как они используются. В этом контексте формируется представление о высшем образовании как о стратифицированной системе, построенной по принципу поддержания антагонистических отношений, где вузы постоянно стремятся обогнать другие вузы, то есть предполагается, что все они всё время соревнуются с другими. Все более или менее влиятельные современные международные рейтинги подкрепляют эти представления о высшем образовании как о высококонкурентной игре с нулевой суммой и, более того, продвигают идею о том, что эта концепция отражает «естественное» положение дел и даже «лучше» альтернативных концепций.

Во-вторых, исследования, посвященные анализу рейтингов, самым своим существованием обеспечивают им столь необходимое научное обоснование их легитимности. Рейтинговые агентства особенно заинтересованы в том, чтобы составляемые ими рейтинги выглядели как «серьезные научные исследования» и чтобы академическое сообщество воспринимало их именно так. По большому счету, авторы научных публикаций, содержащих предложения о том, как улучшить методологию или эффект рейтингов, как бы делают рейтинговые агентства своими равными партнерами в научной дискуссии. Подобный подход несет в себе риск того, что ученые, возможно сами того не желая, подкрепляют ту или иную идеологию

или политический курс, обеспечивая им якобы научную убедительность. Аналогичные риски появляются также тогда, когда ученые становятся членами правления рейтинговых агентств или различных консультативных советов при них, когда ученые участвуют в организуемых составителями рейтингов мероприятиях или заполняют рассылаемые опросники. Для составителей рейтингов особенно важно опираться на культурный авторитет науки (через вовлечение ученых, то есть носителей академической экспертизы), потому что составители рейтингов (как и ученые), по сути, распространяют свои претендующие на истинность утверждения о том, что чем является или не является в мире высшего образования.

Рейтинговые агентства особенно заинтересованы в том, чтобы составляемые ими рейтинги выглядели как «серьезные научные исследования» и чтобы академическое сообщество воспринимало их именно так.

Важность рефлексии

Все это вовсе не значит, что исследователи высшего образования не должны быть критичными, даже наоборот. Однако есть разные виды критики. В силу этого и прочих обстоятельств чрезвычайно важно постоянно оценивать пресловутую «общую картину», а также нашу собственную роль и место в ней.

В практическом плане стоит наконец начать рассматривать рейтинги и их составителей прежде всего как объект изучения. Вместо того чтобы принимать рейтинги как устоявшийся феномен в сфере высшего образования, а их составителей — как партнеров, преследующих научные цели, стоит воспринимать их просто как предмет эмпирического исследования. Как данные, если угодно. Если мы начинаем критиковать имеющиеся у нас данные, это может вызывать вопросы о нашей способности здраво рассуждать. Если мы высказываем какие-то ожидания относительно того, как данные должны себя вести, или если мы пытаемся каким-то образом навязать имеющимся данным наши нормы и требования, это может вызывать сомнения в том, можно ли нам как ученым доверять. Следует помнить об этих рисках, чтобы наши наблюдения оставались состоятельными. (Иными словами, чтобы воспринимать рейтинги и их составителей как объект

исследования, нужно быть объективными и анализировать эти феномены соответствующим образом.)

Те, кто настаивает, что это «теперь с нами навсегда», недалководны. Если история и может нас чему-то научить, так это тому, что все меняется. Самое, возможно, опасное в пресловутом «другого выбора все равно нет» — это то, что, чем чаще мы повторяем эту мантру, тем скорее она выльется в беду, которую сами накликали. Все-таки наша обязанность как ученых — ставить под сомнение производимые самим обществом и принимаемые как нечто само собой разумеющееся «факты» и разоблачать их идеологическую подоплеку.

Сотрудничество с Китаем — палка о двух концах

Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Ханс де Вит — заслуженный профессор и заслуженный член центра.
E-mail: dewit@bc.edu.*

Сотрудничество с Китаем в сфере науки и образования стало для многих стран непростой темой, вызывающей у людей беспокойство. Ситуация в самом Китае, кризис, связанный с COVID-19, и приписываемая Китаю роль в этом кризисе, осложняющиеся торговые отношения, усиление национализма и популизма как в Китае, так и за его пределами и другие события привели к росту геополитической напряженности и подорвали научно-образовательное сотрудничество между Китаем с одной стороны и Австралией, Северной Америкой и Европой — с другой. Все эти темы постоянно поднимаются в СМИ, которые нередко их нарочито раздувают или и вовсе распространяют дезинформацию. Проблемы действительно существуют, и настоящее и будущее научно-образовательного сотрудничества между Китаем и другими странами оказалось в критическом положении.

Приведем несколько примеров, показывающих сложившуюся напряженность. Преподаватели и студенты Корнельского университета в США выступают против планов по открытию совместной программы с Пекинским университетом, ссылаясь на то, что в

Китае, помимо прочего, проблемы с академической свободой. Исследовательский центр Пью недавно выпустил [доклад](#) под заголовком «Большинство американцев поддерживает ужесточение позиции по отношению к Китаю из-за проблем в сфере прав человека и экономики». Авторы доклада пишут, что, хотя в целом американцы доброжелательно настроены по отношению к иностранным студентам, идея ограничить прием студентов из Китая находит широкую поддержку населения и, кроме того, у многих американцев негативное мнение по целому ряду связанных с Китаем вопросов. Созданная по международной инициативе Рабочая группа по вопросам академической свободы и интернационализации выступила с идеей внедрения [«этического кодекса»](#), который мог бы стать ориентиром в развитии отношений с Китаем. Многие ученые со всего мира подписали и распространили открытое письмо солидарности с исследователями, чья научная тематика была связана с Китаем и которые пострадали из-за этого. Многие западные страны закрыли у себя филиалы Института Конфуция, потому что те якобы занимаются шпионажем, подчиняются китайскому правительству и лишены академической свободы. Не проходит и недели, чтобы западные СМИ не обсудили какой-нибудь отрицательный аспект китайских порядков или действий в области высшего образования, не говоря уже о торговле или политике.

Нужно продолжать поддерживать связи

Для мирового высшего образования чрезвычайно важно, чтобы контакты с Китаем поддерживались, особенно в нынешний непростой период. Конечно, без взаимности ничего не получится, и, если Китай или другая сторона станут чинить непреодолимые препятствия или проводить недоброжелательную политику, это затруднит взаимодействие или и вовсе сведет его на нет. При этом китайские ученые и студенты за пределами родной страны, равно как и те, кто живет в Китае, ощущают на себе последствия недоброжелательной политики и мер, принимаемых западными странами. Они все чаще сталкиваются с расизмом, особенно в контексте пандемии COVID-19, а также с обвинениями в шпионаже и краже интеллектуальной собственности. Они не чувствуют, что в совместных проектах к ним относятся на равных. В частности, внимание общественности привлекли расследования, связанные с работавшими в США китайскими учеными, хотя некоторые из этих дел оказались совершенно безосновательными.

За взаимодействие отвечают как академические организации, так и отдельные люди: преподаватели, исследователи, студенты. У организаций и у людей есть собственная «политика интернационализации», собственные институциональные либо индивидуальные ценности, стратегии и интересы. Залог плодотворного сотрудничества и обмена, а также академической свободы — это взаимоуважение и взаимопонимание